

Галина Комарова

«Антрополог — это очевидец»¹

Предлагаемое вниманию читателей бинарное интервью подготовлено летом 2010 г. в рамках проекта «Женский портрет в научном интерьере», который осуществляется путем интервьюирования женщин-антропологов из разных стран мира: России, Украины, Армении, США, Канады, Франции, Японии, Великобритании, Голландии, Германии, Финляндии и др. Это представительницы самых различных академических направлений, школ, взглядов, научных сообществ и поколений, известные своими исследованиями на советском и постсоветском материале. Их объединяют общие профессиональные интересы, единое этнографическое поле и, самое главное, искренняя симпатия и любовь к народам России и бывшего СССР. Все они имеют богатый и разнообразный полевой опыт, давно и плодотворно работают в различных регионах постсоветского пространства и проводят в экспедициях не только месяцы, но и годы.

Среди моих респондентов — только женщины-антропологи/этнографы/этнологи. Однако речь не идет о феминистской этнографии, которая в отличие от классической осуществляется по преимуществу

Галина Александровна Комарова
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва,
galakom@mail.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-01-00105А.

женщинами, полевая работа в которой строится с ориентацией на женские особенности мышления и поведения, и ключевыми информантами тоже становятся женщины. Гендерно ориентированные этнография и полевая работа не являются предметом нашего обсуждения. Исследование также не претендует на статус антидискриминационного проекта, в то время как феминистский метод в антропологии нацелен на раскрытие механизмов не только гендерного, но и расового, классового, этнического неравенства.

Вместе с тем наше исследование, во-первых, проблематизирует традиционные позиции наблюдателя и наблюдаемого, пересматривает дистанции между исследователем и информантом, исследователем и изучаемым местным сообществом; во-вторых, предлагает научному сообществу задуматься над проблемой объективности в гуманитарном знании, значимости субъективного опыта для понимания опыта социального (в частности, при сборе этнографических данных) и, в-третьих, анализирует гендерную составляющую антропологии и академической жизни.

В каждом бинарном интервью на одни и те же вопросы отвечают две исследовательницы — российская и зарубежная, чьи сферы научной деятельности, профессиональные интересы и/или экспедиционные поля совпадают. Мои коллеги рассказывают о своем научном пути, делятся экспедиционным опытом, размышляют о проблемах и судьбах науки.

Участницами предлагаемого двойного интервью стали: **Наталья Ивановна Новикова** (далее — **Н.Н.**), к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг» (Москва) и **Эмма Уилсон (Emma Wilson)**, далее — **Э.У.**), PhD, руководитель Группы энергетики Международного института экологии и развития (ИЕД) (Лондон). Обе мои респондентки — известные ученые, имеющие большой опыт полевой этнографической работы и разработки серьезных исследовательских проектов. Их научные интересы (юридическая антропология, социальная антропология коренных малочисленных народов Севера, права человека, взаимодействие коренных народов и промышленных компаний, устойчивое развитие и т.п.), как и экспедиционные маршруты (Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Приморский край, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.), во многом близки и часто пересекаются. Как профессионалы, они владеют многими секретами своего ремесла: от искусства глубокого и длительного общения с респондентами, воссоздания в этнографических сочинениях образов этих людей в контексте их

культур до теоретического обобщения. Я уверена, что разнообразные грани профессионального мастерства и полевого опыта Натальи Новиковой и Эммы Уилсон будут интересны и полезны представителям различных научных сообществ, но прежде всего тем нашим коллегам, кто только начинает свой научный путь¹.

Галина Комарова (далее — Г.К.) Уважаемые коллеги, прошу вас рассказать о себе и о своем пути в науку.

Э.У. Я окончила обычную английскую государственную среднюю школу. В 1988 году поступила в Кембриджский университет, где изучала русский и немецкий языки, а также литературу. По окончании университета я два года преподавала английский язык в Японии, где познакомилась с представителями организации «Друзья Земли — Япония» и затем в течение двух лет работала с ними во Владивостоке и на Сахалине. За это время я посетила почти все дальневосточные регионы России, помогая работе местных общественных организаций и проводя подготовительные исследования для книги «Дальний Восток России: леса, горячие точки биоразнообразия и промышленное развитие»². В 1996 году я вернулась в Лондон и стала работать с другими природоохранными организациями, включая Международный союз охраны природы (IUCN).

В 1997 году я поступила в аспирантуру Института полярных исследований имени Скотта и Географического отделения Кембриджского университета. Моя диссертация была посвящена участию местного населения в принятии решений, касающихся природопользования. Главным географическим регионом моих интересов был Сахалин. Особенно меня интересовали международные проекты освоения прибрежных месторождений нефти и газа. Моей специальностью была гуманитарная география, но оба мои научные руководителя были антропологами, и моя полевая работа носила явный этнографический характер — она состояла в основном в проведении включенного наблюдения, опросов и интервью. Я жила обычно в Ногликах, на северо-востоке Сахалина. Интересуясь всеми группами населения, я в конце концов стала больше общаться с местным коренным населением (особенно с нивхами). Объяснялось это тем, что их голос был особенно весом в дискуссиях о развитии нефтегазовой отрасли, поскольку оно оказывало влияние на их традиционные занятия, и из-за

¹ Перевод с английского языка — В.В. Комаров. Текст интервью минимально отредактирован и согласован с информантами.

² См.: [Newell, Wilson 1996].

Эмма Уилсон под Южно-Сахалинском, 1997 г.

значительного внимания международной общественности к правам коренного населения.

После защиты диссертации я работала независимым консультантом природоохранных организаций (включая IUCN), а также нефтяных и газовых компаний (в том числе «Сахалин Энерджи»). С 2007 года я работала в Международном институте экологии и развития (ИЕД) старшим научным сотрудником в Группе устойчивого рыночного развития и рыночных отношений. Сейчас я возглавляю Группу энергетики в том же институте. Мы занимаемся целым спектром проблем, относящихся к энергетике, включая ответственное предпринимательство

в нефтегазовой сфере и децентрализованные энергетические системы в странах с низким уровнем жизни.

Н.Н. Мой путь в науку начинался в Омском государственном университете, затем была аспирантура на кафедре этнографии МГУ, короткий период работы в НИИ и Музее антропологии МГУ, а с конца 1990 года я работаю в Институте этнологии и антропологии РАН.

Г.К. *Какие жизненные (научные) пути привели Вас, Эмма, в Россию (СССР)? Как и почему Вы начали заниматься нашей страной? И общий вопрос к Наташе и Эмме: кто или что повлияло на выбор тематики ваших исследований? Как вы впервые попали в экспедиционное поле?*

Э.У. Началось все с изучения русского языка в университете. Русский для меня был экзотическим языком, учить который в школе не было возможности. Россия привлекала меня как огромная страна с богатой историей и культурой. Меня всегда интересовала экология. Как уже упоминалось, находясь в Японии, я получила возможность поработать с экологическими организациями, занимающимися сохранением российских лесов и потреблением древесины. «Друзья Земли — Япония» стали одной из первых международных организаций, проявивших интерес к добыче нефти и газа у побережья Сахалина. В то время местные жители были очень обеспокоены этими проектами, а международная общественность стремилась прийти к ним на помощь. Таким образом, проведя год во Владивостоке, я переехала на Сахалин для работы с местными экологами. Я участвовала в создании местной общественной организации «Экологическая вахта Сахалина». Все это можно отнести к полевому опыту. На самом деле правильнее это назвать жизненным опытом. Занимаясь диссертацией, я решила сконцентрироваться на социальных проблемах, связанных с разработкой нефти и газа. Я чувствовала, что при огромном международном интересе к разным экологическим проблемам (например, сохранению серых китов) гораздо меньше внимания уделяется проблемам населения, живущего в районах разработки нефти и газа.

Но моей первой настоящей научной полевой поездкой стало путешествие не на Сахалин, а на Камчатку. Я возглавляла экспедицию Кембриджского университета в Эссо и Анавгай в 1998 году. Мы сотрудничали с Камчатским институтом экологии и природопользования. Целью экспедиции было изучение перспектив альтернативного развития в Быстринском районе (например, экотуризм и рациональное природопользование как альтернатива золотым шахтам). На следующий год я провела девять месяцев в Ногликах. С тех пор я еще не раз побывала и на Камчатке, и на Сахалине.

Эмма Уилсон с друзьями из Камчатского института экологии и природопользования (КИЭП) во время экспедиции в леса Быстринского района, 1997 г.

Эмма Уилсон с Сергеем, своим давним коллегой по «Экологической вахте Сахалина», 2004 г.

Н.Н. Впервые в поле я попала в 1977 году, но тема, которой я занимаюсь теперь, возникла гораздо позже. Сначала я поехала к манси в Ханты-Мансийский автономный округ. Я работала тогда в Омском университете, где почти все занимались сибирскими татарами. Николай Аркадьевич Томилов посоветовал мне заняться манси, тем более что я писала диплом по медвежьему празднику, который особенно ярко представлен именно у этого народа. В то время еще были живы воспоминания о репрессиях против шаманов, запретах на проведение традиционных праздников, общении на родном языке, ношение традиционной одежды, традиционную пищу, то есть на все то, что составляло основу этнографического исследования. Возможно, поэтому многие в те годы писали о «современных этнических процессах» и «складывании новой этнической общности — советского народа». Изучение праздников позволяло говорить о праздничной деятельности и создании новой реальности. Для моих тогдашних информантов работа со мной давала возможность говорить и показывать мне то, что было важно для них, но запрещено или не одобряемо властями.

Первым моим учителем стал Петр Ефимович Шешкин — манси, хотя и не получивший регулярного официального образования, но талантливый художник, резчик по дереву. Он начал меня учить всему: языку, культуре, а в чем-то и жизни. Причем, мне кажется, он хотел, чтобы я не просто написала

«Почему я стала этнографом». Наталья Новикова с поэтом, оленеводом и общественным деятелем Юрием Вэллой (Айваседа), стойбище на Тюйтияхе, Ханты-Мансийский автономный округ, 2000 г.

диссертацию, а записала то, что современные манси не понимают, но что может понадобиться их детям или внукам. В те годы я побывала во всех мансийских деревнях и записала все, что было возможно, о праздниках манси. В 1986 году я защитила в МГУ диссертацию «Традиционные праздники манси: к проблеме этнокультурных контактов обских угров». Для меня так и осталось загадкой, почему эту тему мне долго не хотели утвердить на кафедре этнографии, а согласились только потому, что, как мне кажется, им надоело со мной спорить. Потом у меня был довольно длительный перерыв в полевой работе.

Моя новая тема сложилась уже в начале 1990-х годов, когда я снова начала ездить в поле. В те годы в Ханты-Мансийском округе было много интересного, и я просто описывала все, что видела. Во время одной из экспедиций уже перед вылетом в Москву мне в гостиницу принесли бумаги по Приобскому месторождению: это было соглашение нефтяной компании с семьей Вэнго, согласно которому эта семья фактически за шесть батареек соглашалась на передачу нефтяникам огромной территории. Замечу, что в полевой практике очень часто (я слышала об этом и от своих коллег) складываются такие ситуации, когда самое интересное и важное люди сообщают антропологам в обстоятельствах, не позволяющих сразу записать, зафиксировать информацию; по этой причине какие-то детали, подробности, нюансы, к сожалению, забываются, могут потеряться, исчезнуть.

П.Е. Шешкин, п. Ломбовож ХМАО—Югра, 1978 г.

С этого и началась моя новая работа — я стала изучать нефтяников, чтобы понять, что и почему произошло с аборигенами. Ситуацию с Вэнго тогда «разрулили» — соглашение отменили по настоянию властей. А я написала об этом свою первую статью в журнал «Северные просторы». Кстати, я считаю, что журналистская работа очень полезна для антрополога. Моя бы воля, так я бы ввела на антропологических отделениях и кафедрах преподавание многих предметов, которые есть на факультете журналистики. Работа в журнале помогала мне и в поле. В те годы журнал «Северные просторы» был очень популярен, и многие люди становились моими информантами потому, что читали в нем мои статьи.

Г.К. Кого Вы считаете своими учителями в антропологии?

Э.У. Мой путь в науке развивался довольно нестандартно. Я осваивала работу в поле без формальной подготовки. Однако, когда я занялась диссертацией, у меня появилась возможность познакомиться с теоретическими аспектами как гуманитарной географии, так и антропологии. Значительная часть литературы по «участию в принятии решений», которую я читала, относится к той научной школе, в которой большую роль играл институт ИЕД. Вот почему для меня работать сейчас в этом институте — большая честь.

Главным моим учителем в антропологии стал мой научный руководитель Пирс Витебски из Института полярных исследований имени Скотта, специалист по шаманизму, который работал в Индии и позже в Саха (Якутия). Пирс познакомил меня с некоторыми базовыми трудами по антропологии и основами полевой работы. Самым ценным было то, что он рассказывал студентам замечательные истории из своей полевой практики и призывал нас делиться своим опытом. Ближе к концу моей работы над диссертацией большую пользу мне принесли беседы с Фрэнсис Пайн, которая тоже рекомендовала различную научную литературу и придавала мне уверенность в собственных идеях и выводах. Я также благодарна студентам, с которыми вместе училась, и своим коллегам, в особенности Флориану Стаммлеру и Татьяне Аргуновой-Лоу за всемерную поддержку.

Многому научило меня общение с российскими учеными, особенно с Робертом Моисеевым и его подчиненными из Камчатского института экологии и природопользования, а также с Татьяной Роон из Сахалинского этнографического музея и коллегами из московского Института этнологии и антропологии РАН, особенно с Наталией Новиковой и Анной Сириной.

Н.Н. Академических учителей у меня много. Моим руководителем по дипломной работе была Ирина Витальевна Захарова, именно от нее я впервые услышала про этнографию. Потом меня взяли на работу в Омский университет, где мои обязанности были связаны с хранением этнографических коллекций и где я стала заниматься культурой манси под руководством Николая Аркадьевича Томилова. Именно с ним я ездила в свою первую экспедицию. Он многое сделал для моего профессионального становления. Потом я училась в аспирантуре на кафедре этнографии МГУ, где моим научным руководителем была Клавдия Ивановна Козлова. Она и Лев Павлович Лашук много со мной занимались, именно они рекомендовали мне читать нужные книги. Моим оппонентом на защите кандидатской диссертации была Зоя Петровна Соколова, благодаря которой я оказалась в Институте этнологии и антропологии. С 1995 года я начала заниматься юридической антропологией, в этом мне очень помогли Анатолий Иванович Ковлер, Гаральд Финклер и Валерий Александрович Гишков.

Г.К. Выдающаяся представительница американской антропологии, бывшая в 1966–1967 годах президентом Американской антропологической ассоциации, Фредерика де Лагуна считала, что «антропология отличается от других научных дисциплин. Это образ жизни». Подтверждается ли это наблюдение в Вашем случае или на примере Ваших коллег?

Э.У. Я бы сказала, что некоторые из моих коллег превратили антропологию в образ жизни. Они путешествуют по миру в зависимости от своих научных интересов и занимаемых позиций; их жизнь организована в соответствии с календарем полевой работы; у них в гостях постоянно бывают то пастухи северных оленей, то местные активисты, то антропологи. Мой реальный опыт работы в общественных организациях лег в основу последующих антропологических исследований. Поэтому должна признать, что порой разница между «жизнью» и «антропологией» невелика. Но, к сожалению, сейчас у меня нет возможности заниматься антропологией так, как я бы того хотела. Моя теперешняя работа требует много времени для теоретических исследований за столом, анализа литературы, политики и управления проектами и позволяет лишь короткие выезды в поле. Основную часть нашей общей полевой работы проводят местные коллеги.

Н.Н. Эту красивую метафору повторяют многие, в какой-то степени это так. Антропология учит нас жить. И в результате полевых исследований я, как и мои коллеги, стала другим человеком. Я думаю, что это особенно важно для тех, кто занимается северными аборигенами. Многие черты их мировоззрения

Эмма Уилсон у поезда «Южно-Сахалинск — Ноглики», 1999 г.

Наталья Новикова у оленеводов кооператива «Валетта»,
залив Чайво, Сахалинская область, 2001 г.

и в целом культуры настолько привлекательны, что я порой стала соразмерять свои поступки с их нормами. Кроме того, начинаешь анализировать все эти явления профессионально и постоянно, особенно во время поездок и даже на отдыхе. Так что, я думаю, наша профессия действительно становится нашим образом жизни. И я не уверена, что это хорошо.

Г.К. В 1920–1930-е годы советские этнографы после окончания университета уезжали в изучаемую группу на «этнографический стационар» и годами занимались там не столько исследованием

культуры, сколько практической работой, оказывая разнообразную помощь местному населению. В результате многие ушли из профессионального поля, переставали быть этнографами. Известны ли Вам такие случаи в истории антропологии?

Э.У. К сожалению, нет.

Г.К. Традиция длительного этнографического стационара, которой всегда славилась наша отечественная этнографическая наука, в последние десятилетия оказалась прерванной по целому ряду причин. Постоянно ведется дискуссия о необходимости ее восстановления. Одни считают, что длительная (от 6-ти месяцев до 2-х лет) полевая работа (в том числе и «в качестве сельского учителя в среде изучаемого народа») не только полезна, но и необходима¹. Другие утверждают, что в современных условиях непрерывное (более 2–3-х месяцев) пребывание в поле «непродуктивно по чисто профессиональным причинам»². Является ли длительный этнографический стационар обязательным элементом профессионализации и творческой деятельности исследователя? Каково Ваше мнение на этот счет?

Э.У. Я считаю, что антропологу необходимо проводить достаточное количество времени с людьми и в регионах, в изучении которых он или она считает себя специалистом. Без такого опыта исследователь может быть лишен не только информации «из первых рук», но и достаточных оснований для своей работы. Большинство моих коллег проводили в поле год или больше в ходе работы над диссертацией. Впоследствии те, кто продолжал заниматься наукой, старались регулярно проводить в поле по 2–3 месяца. Однако со временем, когда у исследователя появляются новые должностные и семейные обязательства, осуществлять это становится все труднее.

Н.Н. Я несколько иначе воспринимаю «этнографический стационар». На мой взгляд, это длительное полевое исследование, когда все время занимаешься именно этой работой. С такой точки зрения более эффективными являются многочисленные полевые выезды, во время которых можно собирать материал. Я считаю, что наши отношения с информантами должны быть отношениями партнерства и сотрудничества, они должны понимать, чем мы занимаемся и зачем. В поле информанты часто задавали мне вопросы о моей работе, причем некоторые интересовались, как много я смогла записать, буквально каждый день, пока работала в деревне или общине. Я думаю, нечестно прикидываться кем-то другим. К тому же сегодня большинство

¹ См.: [Тишков 1992: 11].

² См.: [Басилов 1992: 14–15].

наших информантов представляют себе, в чем заключается работа этнографа. Важно наиболее полно представить их жизнь, а это может быть и при длительной работе с разными представителями изучаемой группы, и при установлении тесных контактов, и при возможности возвращаться снова и снова к одним и тем же вопросам. Во всяком случае по темам, которыми я занимаюсь, я нуждаюсь в серьезном сотрудничестве. Мои информанты должны иметь возможность и время, чтобы со мной работать, однако это не должно занимать у них слишком много времени. Сейчас я предпочитаю заранее договариваться с людьми, к которым приезжаю, чтобы они уже планировали встречу со мной. В районах моей полевой работы в последние годы много исследователей, поэтому нам приходится также согласовывать свои графики, чтобы не создавать слишком большую нагрузку для населения. Конечно, это не всегда возможно. Когда я участвовала в этнологической экспертизе в Ямало-Ненецком автономном округе, нам приходилось приезжать или прилетать в чумы, в которых о нас ничего не знали. Во время проведения экспертных работ основой успеха является предыдущий опыт, умение наладить контакт, объяснить, чем ты занимаешься.

Наталья Новикова с художником Г.С. Райшевым
в Ханты-Мансийске, 2007 г.

В последнее время сами информанты все чаще задают мне вопросы. Они интересуются всем: темой, ожидаемым результатом, полевыми исследованиями у других народов, моей жизнью. С течением времени моя роль в поле меняется. И это не хорошо и не плохо. Когда я начинала работать, это была роль младшего ребенка в семье. Со временем она все больше становится ролью консультанта, а ведь мне нужно задавать вопросы, то есть предполагается, что мои информанты знают больше меня. Мы часто обмениваемся нашими знаниями и ролями.

Одна ситуация в поле заставила меня взглянуть на информантов по-иному. Оленеводам привезли водку. Они всю ночь пили, подрались, в общем, вели себя безобразно. А утром сидевший у костра молодой оленевод с разбитым носом сказал мне: «Ты что, собираешься об этом писать? Так это же неправда!» Я, конечно, была очень недовольна всем происшедшим. Но мне стало смешно после этих слов. Оказывается, наши информанты думают, что могут манипулировать антропологом, и, более того, у них есть образ того, каким *должно быть* этнографическое знание. «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

И еще одно не дает мне покоя с тех пор: почему мы так редко пишем об алкоголизме? Мы не знаем, как это делать? Не знаем, как к этому отнесутся информанты? Насколько часто это меня останавливает? Насколько важно соблюдение этических норм в отношениях с информантами? Помогает это или мешает? Если относиться к этому вопросу строго прагматично и стремиться получить все и сразу, то мешает. Мне иногда приходится слышать от информантов: «Я тебе расскажу, но ты это не записывай». А зачем тогда люди рассказывают? Ведь они понимают, что это — моя работа. Вот и складываются две истории. Но чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что это правильно. У исследователя должно быть больше знаний, чем он излагает в своих работах. Этот урок я также получила от аборигенов. Мне давно, еще в начале работы, одна женщина манси, с которой я долго работала, сказала: «Я тебе столько рассказала, как теперь жить буду». Эта фраза не давала мне покоя, и я стала спрашивать об этом других информантов, с которыми у меня были более тесные отношения. Они мне объяснили, что у них есть много информации, которую они передают молча или сохраняют в тайне, — в их культуре нельзя «все рассказать», нужно обязательно что-то оставить.

Я использовала различные подходы к этнографическому полю: постоянно из года в год ездила к одним и тем же группам аборигенов, полгода работала в Госкомсевере, два года — в Государственной Думе (как член рабочей группы), десятки раз

имела возможность встречаться с нефтяниками разного уровня, и в офисах, и в общежитиях, изучала судебный процесс в Пресненском суде Москвы и т.д. Я думаю, что важно не абсолютизировать ни один из этих подходов. К тому же практическая работа является полезной для антрополога. Например, организация и участие в различных правовых семинарах и летних школах позволили мне приобрести много новых доброжелательных информантов.

Г.К. Преподается ли в Вашей стране будущим антропологам «Методика полевых исследований»? Изучали ли Вы в студенческие годы подобный курс?

Э.У. Существует много англоязычной литературы, посвященной методике полевых исследований. В аспирантуре у меня было достаточно возможностей прослушать курс методики полевых исследований, который читали либо преподаватели университета, либо приглашенные специалисты. Я прослушала несколько курсов и прочитала немало литературы по этой теме. Все же мне кажется, что требуется еще больше практического обучения полевым методикам и более глубокое ознакомление с тем, что такое на самом деле проводить долговременную этнографическую работу в поле. В некоторых случаях наилучший способ обучения — это рассказы «опытных полевиков»: научного руководителя, преподавателей, аспирантов, всех тех, кто уже много этим занимался.

Н.Н. Методика полевых исследований преподается в Учебно-научном центре социальной антропологии РГГУ, где я работаю по совместительству. Я обращаю внимание на эти вопросы в курсах, которые читаю по юридической и прикладной антропологии, но я бы не преувеличивала возможности этого обучения. Мы можем дать студентам лишь общие ориентиры и на отдельных примерах показать, как из живой жизни можно сделать этнографический факт, а все остальное — это опыт. Мне одна информантка сказала: «Глаза есть — смотри». Они так учат детей и думают, что мы тоже так можем понять их культуру. Это высказывание созвучно тому, что писал Леви-Строс: «Антрополог — это очевидец». А чему действительно можно научиться в университете и читая книги, это тому, как интерпретировать весь огромный материал, который открывается нам в поле.

Г.К. Российский/советский этнограф, подолгу работавший в одном и том же этнографическом поле, обычно становился другом изучаемой общины: учил, лечил, решал социальные проблемы, оказывал гостеприимство и самую разнообразную помощь своим респондентам. Но это, как правило, не рефлексировалось самим исследователем как исследовательская работа. Продолжаете ли

Вы общение с Вашими информаторами «во вне рабочее время», вернувшись из поля? Известно ли Вам о существовании подобной практики среди английских исследователей? И можно ли рассматривать ее как продолжение этнографического поля?

Э.У. После возвращения из поля я продолжаю переписываться с жителями Сахалина и Камчатки. Я отношусь к ним скорее как к друзьям, чем к информантам. К сожалению, у меня не хватает времени поддерживать эту переписку столь интенсивно, как я бы этого хотела. Однако я не считаю это продолжением полевых исследований. Иногда мы обсуждаем мою текущую работу в институте, но речь идет о проектах, а не об антропологии.

Н.Н. Действительно, этнографическое поле в России продолжается вечно, у нас ненормированный рабочий год. Мы встречаемся на мероприятиях организаций коренных малочисленных народов в Москве и в других городах. Многие информанты при необходимости останавливаются у меня дома, когда приезжают в Москву по своим делам. С некоторыми аборигенами у меня установились дружеские связи. Насколько я знаю, такая ситуация складывается у многих этнографов. Но я думаю, что дружба с информантами не всегда помогает в работе. Если они становятся близкими людьми, то писать о них уже сложнее. С другой стороны, друзья помогают: они могут рассказать то, что чужие не скажут. Друзья помогают, но все же лучшие условия для работы создает сотрудничество, которое не превращается в дружбу.

Эмма Уилсон с работниками местного Адо-Тымовского рыбозавода. Сахалин, 1996 г.

Г.К. За всю историю науки лишь немногим антропологам удалось достичь полного погружения в изучаемую группу. Даже легендарный Н.Н. Миклухо-Маклай, имя которого носит наш институт, так и остался для папуасов Новой Гвинеи «человеком с Луны» и «чужаком». Как Вы думаете, что необходимо для того, чтобы стать «своим» для изучаемой группы?

Э.У. Я думаю, быть «своим человеком» и полностью интегрироваться в группу — это не одно и то же. В ходе моей работы люди называли меня «наш человек», но я никогда не была одной из них, оставаясь иностранкой, которая проводит исследования и работу в их сообществе. Но мне известны случаи, когда «чужаки» полностью интегрировались в сообщество, в котором они работали. Я могу привести пример, связанный с моей нынешней работой: это белая американка, которая живет и работает в Дельте Нигера. Она училась в Нигерии, вышла замуж за нигерийца, у них родились дети; она пережила вместе с местными нигерийцами гражданскую войну в 1960-х и с тех пор неустанно работает над сохранением природы и инициативами развития на благо местных общин. Теперь там к ней относятся как к местной, несмотря на цвет кожи, и она пользуется среди нигерийцев большим уважением. Таким образом, могу сказать, что если вы долго живете в стране, создали семью и родили детей с местным жителем, посвятили себя укреплению благосостояния местного сообщества, пережили невзгоды вместе с местными людьми — все это может служить факторами, способствующими полному включению в местное сообщество.

Н.Н. Я думаю, что лучше стать «своим этнографом». Я не стремлюсь быть членом группы. Моя работа — всегда «вид из окна», ведь мы изучаем жизнь аборигенов, а для них это сама жизнь. С каждой новой экспедицией я приближаюсь к пониманию значения кодов аборигенной культуры. У аборигенов Севера коды часто формулируются ими самими, например: «земля найдет себе хозяина», «глаза есть — смотри», «детей и оленей не считают». Когда я обсуждаю значение таких формул с информантами, появляются новые интерпретации. Новые экспедиции ставят новые вопросы. Есть некоторые вещи в их культуре, которые я бы очень хотела понять, например их молчание, или то, как они общаются с духами, или почему их «суд» так эффективен. И этот процесс бесконечен. За время моей работы в поле коды могут приобретать иные значения. Аборигены ведь не только «вспоминают», как пишут некоторые антропологи, свои знания об окружающем мире, но и конструируют их сегодня. И в этом определенную роль играют исследователи. Мы тоже участвуем в этом процессе.

Наталья Новикова в восьмой бригаде оленеводов
(МОП «Ярсалинское») на Ямале, 2008 г.

Г.К. Оппозиция «свой/чужой» обычно определяет на начальном этапе стержень взаимоотношений группы и ее исследователя — представителя иной культуры. Эмма, для очень многих людей в России Вы, вероятно, были первой иностранкой, с которой они повстречались в своей жизни. Вы приехали в общину «чужой», но спустя какое-то время стали «своей». Как происходило изменение образа «чужого» на разных стадиях общения? Удалось ли Вам наблюдать какой-либо процесс формирования самоидентификации членов группы через общение с Вами? Ведь «чужой» в процессе самоидентификации не всегда обязательно бывает негативным или враждебным. При условии если этот «чужой» переосмыслен как мифический, он может воплощать «идеальное я». Или же, как еще один полюс идентичности, он может быть нейтральным: «иной», «другой» и так далее.

Э.У. В некоторых случаях антрополога или «чужака» могут воспринимать как ресурс, к которому местные жители стараются оказаться поближе. В такой ситуации на начальных стадиях общения антрополог может сделать некоторых членов общества «своими людьми» (скорее так, чем наоборот). В качестве примера могу привести выбор места для проживания. Так, впервые оказавшись в Ногликах, я остановилась у супружеской четы нивхов, и в результате немедленно стала ассоциироваться с ними как в их собственных глазах, так и в представлениях других членов сообщества.

Однако стать полностью «своим» в сообществе представителей иной культуры — совсем другое дело. Как правило, это происходит постепенно, когда ты проводишь рядом с ними много времени, особенно если это происходит за чашкой чая на их кухне, когда ведутся разнообразные беседы с ними и с их соседями. Если вы проводите значительное время в сообществе этих людей и регулярно общаетесь с ними на кухне, вы постепенно примелькаетесь, и они больше не будут воспринимать вас как нечто новое или постороннее.

Другой способ стать «своим» заключается в совместном опыте, в переживании трудностей и общих приключений. Это может быть совместное посещение определенных мест, например леса, дачи, рыбацких поселков. Ваш статус «своего» может также подчеркнуть появление другого «постороннего», в то время как вы, наряду с вашими местными друзьями выступаете уже в роли принимающей стороны. В этом случае к новому чужаку относятся как к гостю (например, уже ему, а не вам, приходится попробовать все особые местные блюда), на вас же, как на старого друга или члена семьи, так же как и на ваши реакции на различные вещи, обращают уже меньше внимания.

Г.К. Вопрос, связанный во многом с предыдущим, звучит так: как Вы полагаете, какое влияние Вы (Ваше пребывание и работа) оказали на членов изучаемой группы?

Э.У. Хотя я проводила этнографические обследования в сообществах, которые посещала, я также участвовала в экологической

Эмма Уилсон с Ритой Булдаковой и Стасом. Ноглики, 1999 г.

деятельности, и многие относились ко мне именно как к активисту экологических движений. Было несколько случаев, когда я, возможно, повлияла на решение человека стать активистом и работать на благо своего сообщества и бороться за экологию. Присутствие иностранца, который озабочен местными проблемами, может побудить людей самим заняться этими проблемами.

Н.Н. Отвечаю сразу на два предыдущих вопроса. Наше влияние на жизнь изучаемого сообщества огромно. Еще 20 лет назад сам факт приезда этнографа для изучения какого-то коренного народа Севера приводил к росту самосознания аборигенов. Многие народы, отдельные общины добились успехов в борьбе за свои права именно благодаря сотрудничеству с учеными. Наше взаимовлияние складывается по-разному. Юрий Вэлла — поэт, оленевод и общественный деятель — рассказывал, что музей под открытым небом в Варьегане он сделал под влиянием новосибирских ученых, которые не только изучали культовые памятники аборигенов, но и увозили их. Когда я начинала работать, моими ключевыми информантами по культуре манси были Петр Ефимович Шешкин и Петр Егорович Вынгелев. Я была далеко не первым исследователем, с которым они работали. Особенно интересно было слушать высказывания о государстве, политике Петра Вынгелева, который во время учебы в Ленинграде в Институте народов Севера принимал участие в переводах на мансийский язык произведений Пушкина и книг о Ленине. Шешкин сформулировал мне концепцию судьбы малочисленного народа в российском государстве. Я думаю, такие мысли у него возникали в том числе и под влиянием встреч с учеными. Когда я собирала материал для кандидатской диссертации, работала с манси Ольгой Александровной Кошмановой. Зимой у нее было достаточно свободного времени, и она несколько раз ездила со мной в экспедиции. Она помогала мне установить связи с нужными людьми, которые знали историю ее семьи. Потом сама стала собирать этнографические материалы и издавать книги. В результате они с мужем создали очень интересный музей. Кошманова писала, что в этом плане на нее повлияла работа со мной. Когда на Сахалине переиздали книгу Ерухима Абрамовича Крейновича «Нивхгу» и она появилась почти у всех жителей острова, это послужило важным импульсом возрождения аборигенной культуры: люди стали больше интересоваться культурой своих народов, некоторые начали расспрашивать знатоков и записывать их воспоминания, рассказы.

Я занимаюсь юридической антропологией, в частности, изучаю правовое положение коренных народов. Те аборигены, которые были слушателями семинаров и летних школ, органи-

зованных с моим участием, не только приобрели знания, но и сами изменились. Некоторые из них стали не просто активно защищать права аборигенов, но делать это юридически грамотно. Аборигены на Севере привыкли к приездам антропологов, и мы занимаем уже определенное место в их картине мира; правда, наше индивидуальное место зависит от личности ученого. У нас есть стереотипы в отношении изучаемых сообществ, у них — в отношении антропологов.

Г.К. Как жизнь и работа в российском этнографическом поле повлияли на Вас как на личность и как на антрополога?

Э.У. Живя и работая в России, я получила уникальную возможность непосредственно испытать на себе воздействие целого набора иных культур и других образов жизни, очень отличающихся от привычных мне. Все это в свою очередь позволило мне оценить мою собственную жизнь в более широком контексте проблем, с которыми люди, как правило, сталкиваются в других частях мира. Одним словом, мой опыт жизни в России (как и в других странах) показал мне мою собственную жизнь в перспективе. Не случайно мое интервью, опубликованное в местной газете в Ногликах, было озаглавлено моими собственными словами: «Теперь я меньше беспокоюсь по мелочам».

Опыт жизни в России позволил мне как антропологу преодолеть предрассудки и по-новому взглянуть на уже сложившиеся представления о людях и их образе жизни. В некоторых изданиях, особенно в СМИ, и в кампаниях общественных организаций часто прослеживается тенденция подчеркивать различия между представителями разных культур. На самом деле между образом жизни разных людей, между их желаниями и мечтами много общего. В то же время я многое узнала о том, что в наши дни и в исторической перспективе означает самоидентификация для представителей коренного населения, чьи повседневные заботы и устремления могут не так уж сильно отличаться от забот и устремлений другого населения. Это очень важно для меня. Кроме того, я получила представление о том, что такое принятие решений, касающихся различных форм землепользования, в случае когда интересы людей и организаций вступают в конфликт.

Я научилась очень осторожно относиться к тексту, к тому, что я читаю. Как правило, к научному тексту я отношусь с большим доверием, чем к популярным СМИ, но все же я уделяю особое внимание проверке источников информации, на которые опираются любые авторы. После пребывания на Сахалине я прочитала, особенно в СМИ, много всего неверного, преувеличенного или просто плохо изученного и недостаточно

подкрепленного фактами. Теперь, когда я читаю что-нибудь в СМИ или сталкиваюсь с пропагандой общественных организаций, я ставлю под сомнение любое утверждение и любой факт, идет ли речь о Сахалине или о любом другом отдаленном регионе мира. Мне очень трудно поверить написанному, если только это не источник, которому я доверяю, и я проверяю, откуда взята информация, или получаю сходные сведения из нескольких независимых источников. И всегда думаю о мотивах автора текста.

Н.Н. Работа в этнографическом поле и сделала из меня антрополога. Путь профессионального становления у нас один. У меня поле разнообразное. Если его изобразить графически, то это треугольник, стороны которого составляют «аборигены — нефтяники — политики и чиновники», а в центре находится «антрополог». И все акторы соединяются взаимными влияниями, обязательствами — стрелочками. Я думаю, что антрополог в моей ситуации находится в более выгодном положении. Работа с нефтяниками учит многому, и эти новые навыки можно потом применить в исследовании аборигенов. Когда я начала писать о нефтяниках, у меня уже был большой опыт работы на Севере и она была для меня обычной. Когда же понадобилось «разговорить» нефтяников, у меня как бы второе дыхание появилось.

А о том, как на меня повлияло поле в человеческом плане, я уже отчасти написала. До экспедиций я была абсолютно городским человеком: могла ходить только по асфальту и считала, что моя жизнь со всеми бытовыми удобствами — единственно возможная, а природа хороша, но лучше всего она в городском парке или картинной галерее. Что такое лес, тайга, океан и море, я узнала, почувствовала в экспедиции. Там я поняла, что значит жить в соответствии с ними, что значит соразмерять свои потребности со зверями и птицами. Я думаю, моя жизнь в результате стала качественно другой, гораздо богаче. А если судить прагматично, то именно в поле я научилась слушать и свободно говорить с незнакомыми людьми.

Г.К. Российские этнографы старшего поколения до сих пор вспоминают, какой переполох в начале 1970-х годов произвела поездка английского антрополога Кэролайн Хэмфри в бурятский колхоз. При этом никто не сомневался, что за ней тогда был установлен негласный надзор. А как Вас принимали местные власти: оказывали сопротивление или помогли в работе? Каково отношение российских чиновников к Вашей работе в современной России?

Э.У. Однажды, в конце 1990-х годов, еще до начала работы над моей диссертацией, когда я сотрудничала с «Друзьями Земли — Япония», я получила факс от губернатора Сахалина,

Тундровой транспорт. Наталья Новикова в ямальской тундре, 2008 г.

в котором меня обвиняли в подрыве экономики острова и благосостояния его жителей путем обнародования экологических проблем региона, связанных с разработкой нефти у побережья. Впрочем, представители местных властей во всех регионах России, где я побывала, как правило, меня принимали хорошо. Мне давали интервью представители всех уровней власти, а иногда у меня складывались довольно дружеские отношения с чиновниками. Более того, местные власти и местные чиновники часто оказывали мне значительную помощь.

Н.Н. Когда я занималась традиционными праздниками, я довольно мало была связана с чиновниками, старалась не тратить на них время, ездила в такие места, где можно было обойтись без их помощи. Моя нынешняя работа тесно связана с властью. Во-первых, меня интересует процесс законотворчества, а его нельзя изучить без работы с Госдумой, региональными законодательными собраниями, так что часть поля — это установление контакта с теми, кто там работает. Во-вторых, моя работа на Севере теперь связана с чиновниками, которые занимаются народами Севера. Она не всегда протекает ровно. После разговора с одним чиновником, связанного с конфликтом в Ханты-Мансийском автономном округе, я хотела немного сгладить ситуацию и сказала: «Надеюсь, мы будем сотрудничать в будущем». В ответ прозвучало: «Сотрудничества не получилось, Вы со мной не согласились». А я продолжаю попытки сотрудничества. В последнее время мы все больше занимаемся прикладной антропологией. Я лично участвую

в этнологических экспертизах, других работах, носящих рекомендательный характер. Мы не можем сделать так, чтобы экспертиза что-то остановила, поэтому стараемся привлечь внимание, минимизировать негативные последствия проектов и административных решений — иногда лучше что-то, чем ничего. Проблема «наука и политика» является очень важной и актуальной. Престиж нашей профессии невысок. Мы слишком замкнуты, мы живем в башне, куда и войти нельзя. Если посмотреть, кто часто выступает экспертом по нашим проблемам на телевидении и радио, то диву даешься. А ведь большинство людей именно из СМИ получает основную информацию. Один старый хант сказал своим детям, которые возмущались поведением нефтяников: «А вы им объяснили, как себя вести?» В аборигенной культуре и поведении людей очень значимо чувство ответственности, возможно, самое важное на Севере. Он считал, что именно это нужно объяснять всем, кто туда приезжает. А наша ответственность перед информантами в том, чтобы донести их чаянья до политиков и чиновников.

Одним из импульсов обращения к юридической антропологии для меня как раз и было желание создать законодательство, чувствительное к образу жизни аборигенов. Я думала, что антропологи, изучая жизнь людей, существующие у них нормы и правила разрешения конфликтов, могут внести эти знания в правовую систему государства. В России юридической антропологией занимаются немногие специалисты, и я, вступив в Комиссию правового плюрализма (тогда она называлась

Наталья Новикова на Дне оленевода в Ловозеро, 2010 г.

Комиссией по обычному праву и правовому плюрализму) МСАЭН¹ на конгрессе в Москве в 1997 году, стала координатором этой группы. Я начала организовывать секции на конгрессах, международные летние школы, поддерживать сайт². Наше направление развивается в русле идей правового плюрализма. Коротко говоря, мы исходим из взгляда на этнографическое поле как сосуществование различных правовых систем. Для меня лично наиболее интересным и важным является изучение современного правового положения коренных малочисленных народов Севера, а в последнее время — суда и альтернативного правосудия.

Г.К. Каждый опытный полевик знает, что этнографический стационар не имеет ничего общего с этнографическим туризмом. Полевая работа, особенно одиночные выезды, во многих регионах мира, в том числе и в России, таит в себе не только много интересного, но помимо бытовых неудобств и много опасного. Например, если изучаемая группа ведет полукочевой образ жизни в тайге, в тундре, в пустыне, проживает в районе межнациональных конфликтов или в зоне повышенной радиации. Какие проблемы и трудности встретили Вы в своей полевой работе? Как Вы их преодолевали?

Э.У. В целом я редко сталкивалась с серьезной опасностью в полевой работе. Обычно я жила в больших и маленьких городах и путешествовала в основном с группой. Однако несколько раз приходилось встречаться с медведями, при этом иногда опасность была достаточно велика. Однажды на Камчатке медведь, который уже подходил близко к лагерю за день до нашего отъезда, вернулся через день и убил японского журналиста, который еще оставался в лагере.

В России я познакомилась с различными транспортными средствами, включая моторные лодки, вертолеты, внедорожники и ГАЗ-66. Путешествия на них были более или менее опасными. Однажды мы летели на вертолете в грозу, когда видимость была нулевая и пилот заблудился. Это было действительно опасно и страшно!

Я думаю, что главной трудностью в моей полевой работе всегда было одиночество. Я жила сама по себе или гостила у местных жителей, но я всегда была далеко от семьи и друзей. В России у меня появились замечательные друзья, но и с ними я была вынуждена расставаться. И дома я проводила мало времени, так что часто бывало трудно поддерживать дружбу. В общем,

¹ Международный союз антропологических и этнологических наук.

² Сайт «Юридическая антропология» Института этнологии и антропологии РАН <www.jurant.ru>.

Эмма Уилсон и гости из Москвы и с Камчатки в семье Лидии Демьяновны Кимовой. Ноглики, 2000 г.

проводя много времени в поле, постоянно чувствуешь оторванность от нормальной жизни дома. Это было трудно преодолеть.

Н.Н. Трудности в первую очередь связаны с бытовыми условиями работы на Севере, особенно у кочевников. Да и природные условия не всегда комфортны. Я люблю ездить зимой, когда проще передвигаться и нет комаров. Приходилось работать и при минус 40. Правда, все эти трудности быстро забываются. Бывает гораздо серьезнее и труднее, когда я вижу порой очень тяжелую жизнь людей — доведенных до отчаяния оленеводов и рыбаков, которые не могут отстоять свои земли, право на речные и морские ресурсы, которые теряют то, что для них составляет смысл жизни. Сколько раз я возвращалась из экспедиции просто больной. Сколько было критических ситуаций, когда я видела полную безнаказанность и наглость промышленников, с которыми аборигены были вынуждены во всем соглашаться. Я уже не говорю об экологических проблемах, о которых я узнала во время полевых работ. Изучать нефтяников тоже непросто, я пытаюсь избавиться от стереотипов в отношении этой группы, но часто слышу и чувствую, что многие из них абсолютно уверены, что все можно купить. Трудность антропологической работы заключается в том, что нужно разговаривать, располагать к себе людей, независимо от того, как ты сам к ним относишься. А в поле юридической антропологии встречаются разные герои.

Г.К. А какие интересные случаи, занимательные истории из Вашей экспедиционной жизни Вы могли бы вспомнить?

Э.У. В своих российских экспедициях я встречалась с удивительными персонажами и оказывалась в замечательных ситуациях. Среди моих самых ярких экспедиционных впечатлений назову следующие: это когда один из моих информантов старшего возраста страстно говорил об экологических проблемах, впервые в жизни выступая перед собранием на эту тему; когда мне довелось на северо-востоке Сахалина в семье нивхов попробовать красную икру-«пятиминутку»; это долгая-долгая дорога в кузове грузовика ГАЗ-66 с юга на север Сахалина; ночевка под открытым небом на берегу сахалинской реки во время экспедиции и, наконец, это совместный с моими друзьями запуск воздушных змеев на горе под Южно-Сахалинском.

Н.Н. Я думаю, что эти занимательные истории интересны только для меня.

Г.К. Как Вы считаете, насколько реально в современных условиях, чтобы российский антрополог мог осуществлять проекты, подобные Вашим, работая в зарубежном этнографическом поле? Что для этого ему необходимо, помимо желания работать, хорошего знания языка и достаточного финансового обеспечения?

Э.У. Мои исследования в России были посвящены роли местных сообществ в принятии решений, касающихся использования природных ресурсов, прежде всего газа и нефти. Было бы вполне уместно российскому антропологу провести подобные исследования на территории Великобритании. Было бы полезно сравнить законодательство, возможности гражданской инициативы и то, что получает местное население в результате разработки месторождений вблизи мест их проживания и среды обитания. Подобное исследование могло бы быть очень интересно российским ученым и общественным организациям.

Конечно, необходимы финансирование и хорошее знание английского языка, а также соответствующая виза. Помимо этого исследователю потребуется разработать методы исследования, соответствующие местным условиям, и обеспечить широкое участие достаточного количества информантов. Анкеты должны быть разработаны таким образом, чтобы люди были готовы отвечать на вопросы (например, простые, не слишком длинные формулировки). Групповые встречи следует организовывать в такое время и в таких местах, чтобы людям было удобно приходить. Возможно, исследователю придется убедить людей в важности исследования, чтобы они были готовы пожертвовать своим временем для беседы и участия в общественных мероприятиях. Возможно также, что придется столкнуться

с преубеждениями людей в отношении иностранцев, появляющихся среди них и задающих вопросы.

Могут также потребоваться особые навыки общения, умение наладить контакт с нужными людьми, которые могут оказать помощь, например, с транспортом, обеспечить доступ к заинтересованным группам (в частности, нефтяникам, местным рыболовным предприятиям, женским организациям) и к источникам информации (архивам, документации фирм и т.д.).

Чтобы жить в течение долгого времени в местном сообществе вдали от дома, любой исследователь должен обладать особой психологической устойчивостью. То, насколько легко ему удастся адаптироваться, зависит от многих факторов, включая численность данного сообщества, количество других иностранцев, проживающих в нем, степень дружелюбия местного населения и другие обстоятельства.

Н.Н. Мне посчастливилось проводить полевые исследования на канадском Севере и совершить несколько выездов к коренным народам других районов страны. Эта работа была бы невозможна без помощи Гаральда Финклера, Гейл Фонда, Ричарда Крибла, а также многих людей в Оттаве и Инувике. У меня перед этим был опыт сотрудничества с канадскими специалистами при проведении международных летних школ по юридической антропологии, и это многое дало для моей подготовки к полю. В целом в поле и у нас, и за рубежом больше общего, чем особенного. Мне кажется, что в этом смысле начинать работать за границей — это все равно что начинать работать в новом месте у нас. Первый раз всегда немного страшно. Когда я работала в Канаде, я сознательно изучала сравнимые отношения и ситуации, поэтому мне было легче. Но я отдаю себе отчет, что для серьезной работы в Канаде этого недостаточно. Я вряд ли могу так включиться в поле там, как у нас. Существуют определенные проблемы с языком, хотя информанты были терпеливы в работе со мной. В любом случае это очень важно — доброжелательное отношение как коллег, так и информантов.

Я думаю, что большой интерес для нас представляет то, как организована работа антропологов на севере Канады. Она строится на сложившейся в этой стране политике партнерства и уважения к первым нациям. Вопрос о возможностях и границах такого партнерства в сфере юридической антропологии является непростым. Это связано с особой чувствительностью проблемы традиционных знаний и культурного наследия в связи с правовым положением коренных народов. Для исследователя установление партнерских отношений с местным

Наталья Новикова с вождем Мак Лауд Лейк. Северная Британская Колумбия, Канада, 2007 г.

сообществом, их взаимная заинтересованность в результатах работы часто становятся необходимым условием ее успеха. Ведь для того чтобы люди рассказывали о совершенных правонарушениях и их причинах, отношении к ним в аборигенном и, шире, локальном сообществе, они должны понимать, зачем проводится это исследование и в чем будет заключаться его смысл для них.

В Канаде разработаны «Этические принципы проведения научных исследований на Севере», которые призывают к установлению партнерских отношений между учеными и коренными народами Севера. При этом, как отмечает Гейл Фонда, канадские ученые должны их соблюдать не только в работе на канадском Севере, но и в северных регионах других стран.

Мой личный опыт связан с получением разрешения на полевые исследования на северо-западных территориях Канады. Лицензия выдается в соответствии с Актом ученых¹. Этот документ не является законом, но он регламентирует работу антропологов и некоторых других специалистов на северо-западных территориях. Процесс получения лицензии включает подачу заявки с кратким описанием проекта, вопросов для изучения и интервью, а также процедуру получения разрешений у информантов на запись интервью, использование полученной

¹ Consolidation of Scientists Act R.S.N.W.T. 1988 <<http://www.nwtresearch.com/act.aspx>>.

информации для печати, указание имени информанта, использование фотографий. Заявка на лицензию подается в Исследовательский институт Аврора (Aurora Research Institute) в г. Инувике, который посылает материалы на рецензию в организации первых наций и только после получения положительных заключений выдает лицензию. После окончания полевых исследований и подведения их итогов каждый ученый должен подать в этот институт свой отчет. Такая практика является проявлением уважения научного сообщества к местному населению и к его праву на интеллектуальную собственность.

В России эта проблема только начинает обсуждаться, и поэтому опыт зарубежного научного сообщества представляет для нас особый интерес. При проведении полевых исследований в рамках такого подхода используются уже ставшие традиционными методы интервью и включенного наблюдения, но для изучения вопросов юридической антропологии они находят новое преломление. Так, наиболее успешным является метод «снежного кома», когда информанты передают исследователя по цепочке. Нужно установить первый контакт, и антрополог оказывается уже не «человеком с улицы», а членом сообщества. Это важно, так как наши вопросы зачастую бывают слишком деликатными.

В Канаде в наибольшей степени мне удалось включиться в изучаемый процесс при исследовании деятельности комитетов правосудия. Изучение альтернативного правосудия позволяет исследователю не только изучать это явление со стороны, но и требует включенного наблюдения. Основной формой деятельности комитетов правосудия является «лечебный круг», который нельзя наблюдать со стороны. В комнате нет посторонних. И мне как антропологу пришлось не только сидеть за овальным столом, но и участвовать в обсуждении дела и давать свои рекомендации правонарушителю.

Г.К. Среди недостатков российской этнографии 1990-х годов назывались, в частности, такие, как «явная феминизация и позднее становление исследователя». Согласны ли Вы с тем, что «половозрастная структура профессии влияет не только на эффективность научного труда, но и на выбор тем, постановку вопросов, исследовательский стиль и манеру оформления результатов»? Имеют ли какую-либо корреляцию, с одной стороны, пол и возраст исследователя и, с другой — «конформизм и беспристрастность; сентиментальная доверчивость и строгий скептицизм; глобальное теоретизирование и тщательная дескриптивность; и еще многие антитезы в исследовательском процессе»¹?

¹ См.: [Тишков 1992: 16–17].

Э.У. Не могу ответить на данный вопрос.

Н.Н. Феминизация нашей профессии действительно происходит. Хорошего в этом мало: для антропологии важно иметь весь спектр знаний об изучаемых культурах и обществах, и некоторые вопросы просто не доступны женщинам, а некоторые — мужчинам. Для работы лучше, если научное сообщество будет представлено мужчинами и женщинами, опытными специалистами и молодыми смелыми аспирантами. Но если молодежь мы можем привлечь через преподавание в университетах, то с гендерным равновесием сложнее.

Г.К. Селективная природа человеческого знания беспокоит представителей разных наук. В антропологических (и, шире, в гуманитарных) исследованиях проблема осложняется еще и тем, что ученый, познающий культуру иных сообществ и эпох, сам историчен. И от этого, как утверждает Адам Купер, антрополога не спасает даже метод включенного наблюдения. Есть ли у Вас свои рецепты преодоления селективного субъективизма в научном исследовании?

Э.У. По-моему, это очень важный вопрос, так как избежать субъективности в работе антрополога очень трудно. Можно пытаться добиться объективности, используя такие методы, как анкетирование и фокус-группы, и стараясь достоверно передать мнения людей в том виде, как вы их услышали. С другой стороны, многое зависит от того, кто задает вопросы, как они сформулированы и так далее.

Существует много рекомендаций, как сформулировать вопросы и разработать анкеты максимально объективно, например не задавать «наводящих вопросов», то есть таким образом, чтобы формулировка вопроса не содержала в себе или не подсказывала возможный ответ.

Если вы используете технику «включенного наблюдения», вам следует быть предельно объективным, записывать каждое свое наблюдение, особенно если оно кажется неожиданным. Иногда какое-то мнение могут разделять многие местные жители, иногда — только один-два человека. Это обязательно должно быть отражено в записях. Очень важно побеседовать и познакомиться с как можно большим числом людей различного пола, возраста, национальной принадлежности и так далее. Сложнее наладить контакт с людьми более уязвимыми или одинокими, так как общение с ними требует большого такта. О каждом из информантов следует записать как можно больше сведений, чтобы наилучшим образом представлять, какой это человек. Все вместе может помочь проведению объективного анализа.

Аккуратно и регулярно вести записи важно, включая письменные и аудиозаписи. Иногда память и время играют решающую роль в том, к каким выводам склоняется исследователь. Возвращаясь к собственным записям, можно обратить внимание на то, что со временем забыл, то ли из-за неосознанного предубеждения, то ли из-за непонимания контекста, который мог сделать именно эту деталь в тот момент важной. Иногда то, что записано во время наблюдения, может оказаться важным впоследствии, когда стала доступна новая информация.

Исследователь должен оставаться непредвзятым и отдавать себе отчет в любых предубеждениях или предрассудках, которые у него могут быть. Имеет смысл провести самоанализ, прежде чем начинать работу в поле, и повторять его регулярно.

Н.Н. Если я правильно понимаю эту проблему, то для меня она связана с моим неоднозначным отношением к разным сообществам, которые я изучаю. Может быть, у меня просто большой опыт работы с аборигенами, и мне легче понимать их поведение. У меня нет рецептов от субъективизма. Но я думаю, что об этом нужно постоянно помнить, это нужно учитывать и при сборе данных, и при их интерпретации. Полезными могут оказаться нетипичные вопросы. Поясню, что я имею в виду. Важнейшим методологическим основанием юридической антропологии является принцип универсальности, что помогает сделать границы между группами пронизываемыми. Это может удивлять, а значит заинтересовывать. Я часто спрашиваю об одном и том же и аборигенов, и нефтяников, и политиков, и чиновников. При этом я пытаюсь выяснить интересы всех сторон, так как, именно стремясь добиться своих интересов, люди и общаются, вступают в альянсы или конфликтуют.

Г.К. Американская исследовательница Маргарет Пахсон в своей книге «Соловьево: история памяти в русской деревне»¹ пишет: «Сила антропологического метода — в терпении!» Согласны ли Вы с этим очень интересным и неординарным наблюдением?

Э.У. Безусловно. Все требует времени и терпения — формирование доверия, понимание людей, контекста и проблем. В поле антрополога поджидают разнообразные трудности: транспортные проблемы, недостаточный доступ к информации, трудности в отношениях с людьми. Все это отнимает время и требует терпения. Нетерпеливый антрополог может отступить, столкнувшись с трудностями, или позволить себе скоропалительные выводы, не рассмотрев проблему с разных сторон.

¹ См.: [Paxson 2005].

Н.Н. Да, я тоже думаю, что это верно. В поле многое нужно терпеть, я думаю, что информанты это чувствуют: терпишь — это как бы держишь удар.

Г.К. *Посоветуйте, пожалуйста, молодым антропологам (как российским, так и зарубежным), как им подготовиться для успешной полевой и научной работы в России.*

Э.У. Существуют чисто практические аспекты подготовки к полевой работе. Так, для зарубежного исследователя это прежде всего освоение или совершенствование русского языка. Возможно, стоит также выучить хотя бы несколько фраз на местных языках, с которыми вы можете столкнуться в поле. Важно поинтересоваться местными погодными условиями и как следует подготовить одежду и оборудование, а также заранее позаботиться о местных контактах, чтобы было кому вас встретить и оказать необходимую помощь. Особенно много усилий и времени может потребовать проблема транспорта, об этом необходимо также позаботиться заранее.

Перед экспедицией следует прочитать как можно больше литературы о тех местах, куда вы едете, а также о других регионах, где встречаются подобные проблемы. Однако очень важно, чтобы сформированные чтением предварительные представления не сбивали вас с толку. Всегда сохраняйте непредвзятое мышление и постарайтесь не рассчитывать на то, что ваши экспедиционные дела будут обстоять именно так, как описано в любой книге или статье, которые вы читали до отъезда. При этом стоит поговорить с другими антропологами о трудностях, которые встречались им в ходе полевой работы, и о том, как они их преодолевали. В экспедиции всегда нелишне поддерживать хорошую физическую форму, а также быть сильным психологически. И, наконец, не забывайте упаковать с собой в дорогу ваше чувство юмора.

Н.Н. Развивать любопытство и наблюдательность, учиться тому, чтобы понимать, как могут быть интерпретированы полевые материалы уже тогда, когда составляешь программу или собираешь данные. Я считаю, что наша работа трудная, антропологом можно быть, только если очень хочется. Полевые исследования делают из нас специалистов, и чем раньше молодые антропологи смогут их вести самостоятельно, тем скорее они смогут понять, что сделали правильный выбор.

Г.К. *Дорогие коллеги, благодарю вас за сотрудничество и желаю всех благ.*

Библиография

- Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 3–17.
- Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.
- Newell J., Wilson E.* The Russian Far East: Forests, Biodiversity Hotspots and Industrial Developments. Tokyo: Friends of the Earth — Japan, 1996.
- Paxson M.* The Story of Memory in a Russian Village. Bloomington: Indiana University Press, 2005.